

Триумф и трагедия Фрейда

6 мая 1856 года в 6.30 вечера на Шлоссергассе, 117, в городе Фрайберге Моравии на свет появился человек, интерес к личности и трудам которого не угасает в мире по сей день. Зигмунд Шломо Фрейд, сын скромного торговца шерстью и сукном Якоба и восхитительной девушки Амалии. Рожденный «в сорочке», он с раннего возраста был окутан предсказаниями посторонних и верой родных в свое будущее величие. Казалось, сама судьба благоволила Фрейду – любимое дитя, окруженное материнской заботой и гордостью, убежденность отца в том, что из сына вырастет величайший врачеватель, слава о котором распространится далеко за пределы Австрии. Фрейд искренне уверовал, что ему уготована особая миссия – свершить неведомое доселе человечеству открытие, по величию своему не уступающее подвигам мифических героев. Но мог ли он, вдохновленный желанием первооткрывательства, предвидеть весь триумф и всю трагедию, увенчавшие плод его исканий? Не имея, в силу своей родословной, большого выбора будущей профессии, он без всякого к тому тяготения поступает на медицинский факультет. Наделенный педантичностью и чувством ответственности, Фрейд с отличием постигает врачебное дело, томясь при этом невыносимой обреченностью от одной лишь мысли – до конца дней своих возиться с безнадежными пациентами и влачить жалкое существование не любящего своего ремесла врачевателя. Он проходит путь от стажера в лаборатории Брюкке до главного врача в неврологическом отделении Шольца, утрачивая веру не только в свое предназначение, но и в везение. «Кто я? Старый, жалкий на вид еврей», – горестно сетует он своему приятелю. Без денег, без ясных перспектив на будущее, с семейными обязательствами и так и не появившимся делом жизни, которое полностью овладело бы его умом и жадой. Жадой найти себе применение. Все будто бы твердило ему о его личной заурядности, о глупой, надуманной затее – стать великим, как саркастичная шутка, подброшенная ему врагами, чтобы вдоволь посмеяться над его доверчивостью и самомнением. Но судьба, столь много обещавшая Зигмунду в отроческие годы, наконец-то улыбнулась ему в лице двух коллег, чьи имена Фрейд будет упоминать с трепетным благоговением и благодарностью: Шарко и Брейер. Первый своими своеоб-

разными взглядами на истерию и гипнотизм произвел на Фрейда сильное впечатление и сыграл значительную роль в его повороте от невролога к психопатологу. Брейер, поведав Фрейду о своей пациентке Анне О., впоследствии ставшей, благодаря провидению самого же Фрейда, знаменитой, фактически сподвиг его к грандиозному замыслу, начавшемуся как смутный проблеск понимания таинственной стороны человеческой психики и приведшему в итоге к открытию психоанализа. На этом долгом пути зарождения новой концепции о разуме человека Фрейд оказался один. Никто из его вдохновителей и помощников не сумел или не захотел систематизировать свои наблюдения, посвятить свою деятельность серьезному и тщательному изучению этой темы. Возможно, это не было им интересно; возможно, они не понимали до конца, с чем имеют дело. Шарко отнесся безразлично к энтузиазму Фрейда по поводу изучения болезни Анны О. Брейер, запутавшись в своих чувствах к Анне и дав повод жене для ревности, в панике бежал от своей пациентки, когда у той начались воображаемые «истерические» схватки родов их мнимого ребенка. Передав ее Фрейду, он более не возвращался к этой непредсказуемой и пугающей области. Фрейд оказался не только более устойчивым и невосприимчивым к экстравагантным выходкам пациентов, но и более трудолюбивым и последовательным в своих наблюдениях и суждениях. Нащупав нужную нить, он с темпераментом «конкистадора» вошел в темные задворки человеческого сознания, шаг за шагом срывая покровы, веками скрывавшие самые потайные и сокровенные страсти, страхи и мотивы людей. Свободные ассоциации, защитные механизмы, толкование снов, либидо... Фрейд по крупицам собирает основы своего главного творения – психоанализа. Будучи приверженцем строгих этических убеждений, он первым подвергает себя честному и неприкрытому самоанализу, финальным аккордом превратившему весь его опыт и все его познания в новое, фундаментальное учение о человеке. Фрейд захотел изменить мир, дав ему универсальную теорию человеческого поведения, еще долгое время оставаясь в полном одиночестве среди непонимания и недоверия. Только с выходом «Толкования сновидений» (1900) его популярность начала постепенно расти, а психоанализ стал завоевывать последователей и континенты. Вспыхнувшие в ответ яростная оппозиция, циничные насмешки и ядовитые нападки нисколько не смущали Фрейда, выработавшего с юности в себе стойкость, и лишь укрепляли его в вере в правильность своего пути. Он избирает единственно приемлемую для себя позицию – кате-

горичное несогласие с любым возражением в адрес своих теорий, абсолютная убежденность в личной правоте и робкая надежда на мудрость новых поколений, которые сумеют верно оценить его труды. Триумф и признание не заставили более себя ждать. Имя Фрейда вознеслось над миром. Психология, медицина, социология, антропология, литература и искусство XX века прониклись идеями фрейдизма. Ни один другой ученый не имел столь мощного влияния. Научные деятели, творческие личности, простые обыватели с азартом поддались модному влиянию — взирать глазами Фрейда на человеческие мотивы, влечения и поступки, будь то в жизни или в искусстве. Фрейд мог бы упиваться триумфом, к которому так стремился с юных лет. Но судьба делает новый виток, полный трагизма и все такого же одиночества, преследовавшего Фрейда всю его земную жизнь. «Мы входим в мир одинокими и одинокими покидаем его», — безнадежно повторял Фрейд. Отступничество учеников, нанесшее тяжелый удар, прогрессирующая болезнь, мучительно изнуряющая физическое и душевное состояние, жестокая и иррациональная сущность человеческого бытия, вызывающая горькую иронию и разочарование, лишь подтолкнули к вынужденному уходу. Вопреки расхожему мнению, Фрейд не стремился стать революционером. Он им и не был. Желание общества разрушить до основания старые устои пугало его. Будучи далеко не религиозным человеком, он тем не менее осознавал и предвидел всю опасность радикальных изменений в общественном устройстве. «Если Вам угодно изгнать из нашей европейской культуры религию, то этого можно достичь только с помощью другой системы учений, которая с самого начала переймет все психологические черты религии, тот же священный характер, ту же косность, нетерпимость, тот же запрет на мысль в целях самозащиты». То, что должно было освободить человека, стало орудием против самого же себя. Психологический анализ вышел за пределы изначальных рамок метода выявления душевных страданий и комплексов и стал для общества вратами к вожаемой свободе, к раскрепощению от оков запрета и стыда. Общество с лихвой воспользовалось данной свободой. Сначала стыдливо и настороженно, но со временем все более открыто и требовательно оно повышало свои запросы на раскрепощенность и самовыражение. У общества больше не осталось тайн, оно позволило себе намного больше, чем когда-то предполагало. Оно утратило сомнения в себе и вместе с тем нужду в изобличениях своего несовершенства. Его стал до нетерпимости раздражать нос Фрейда, сующийся в изъязвляющую людской

психики. У свободы не может быть душевных страданий. На то она и свобода. Свобода не обязана оставлять выбор или пресмыкаться перед моралью. Фрейд со своими оглядками на моральные устои стал скучен обществу. Ученному отведено заслуженное место на хрустальном пьедестале, приснившемся ему когда-то в образе стеклянного цилиндра. Общество признательно жмет ему руку за указанное направление и уходит прочь без путеводителя, оставляя его, как забавную фигурку, в искусственном блеске восхищения, сплетен и одиночества. Круг судьбы замкнулся.

Фрейд начинал изгоем. Изгоем он в истории и останется.

Эдуард Марон,
*психиатр-консультант, профессор психиатрии
Тартуского Университета,
почетный лектор Имперского
колледжа Лондона*

Лекции по введению в психоанализ

«Лекции по введению в психоанализ» Фрейд читал в течение двух зимних семестров 1915/16 г. и 1916/17 г. смешанной аудитории, включающей в себя слушателей разных факультетов. Разношерстность аудитории определила особенность изложения материала Фрейдом, в котором он стремился не к строго научной академичности, а к тому, чтобы заинтересовать слушателей и удержать их внимание в течение отведенных ему двух часов. Проведя лекции первой части импровизационно, Фрейд систематизировал свой подход для чтения лекций второй части. Стиль научного популяризаторства был избран им как наиболее подходящий для объяснения тем лекций с разных сторон, с целью более углубленного изучения предметов обсуждения и расширения знаний аудитории о них. К тому времени Фрейд полностью сформулировал основные постулаты психоанализа – своей главной научной концепции, рассматривающей человеческое поведение, структуру личности, природу влечений и механизмы бессознательного, концепции, ставшей в итоге влиятельным методом разоблачения психических расстройств. Психоанализ обретал не только сторонников, но и ярых противников. Цикл лекций, направленный на широкую аудиторию, дает Фрейду, не принужденному в силу своего возраста к обязательному преподаванию в Университете, возможность привлечь интерес публики и ее благосклонность.

Фрейд посвящает аудиторию в тайны психоанализа, раскрывает суть человеческих неврозов, страхов, фантазий и обнажает скрытые стечения человеческой сексуальности. Говоря о сложных психических структурах, Фрейд часто прибегает к метафоре и обыгрывает их в ролях живых существ, имеющих свои намерения, цели и особенности поведения. В таком виде он и создал свой труд, предупредив читателя о том, что в нем он найдет немного из того, что было бы ему неизвестно из других, более подробных публикаций. Он явно скромничал, поскольку сам предложил ранее никем не использованные до него подходы (в частности, по этимологии страха), благодаря которым «Лекции по введению в психоанализ» нашли достаточно широкий отклик и были переведены на множество языков. Так, две тысячи экземпляров на русском языке были проданы в Москве в течение месяца. В конце 1910-х годов психоанализ в России пользовался большой популярностью. И в начале 30-х Фрейд пишет новый цикл лекций по психоанализу. Правда, на это его подвигло также безвыходное финансовое положение немецкого издательства «Verlag», одним из директоров которого он был: «Конечно, эта работа делается более для нужд “Verlag”, нежели ради какой-либо надобности с моей стороны, но человеку всегда следует чем-нибудь заниматься, в чем его могут прервать, — это лучше, чем опускаться»

ся в состояние лени». В этой серии лекций он дал новое определение структуры человеческой личности. Если раньше он считал, что психическая жизнь состоит из бессознательного, предсознательного и сознательного, то теперь он предложил модель из Сверх-Я, Я и Оно, где Оно – примитивная часть личности человека, Я – посредник между внешней средой и ответными реакциями организма, и Сверх-Я – источник моральных и религиозных чувств, некий сдерживающий фактор. Фрейд пояснял, что новые лекции ни в коей мере не заменяют предыдущие, а лишь продолжают и дополняют ранние из них. Он разделил их на три группы, относя к первой те, в которых вновь разрабатываются темы, уже обсуждавшиеся в свое время, но требующие другого изложения, или, как признавался Фрейд, критического пересмотра по причине углубления исследовательских взглядов и изменения воззрений. Две другие же группы включили, собственно, более обширный материал, где рассматриваются случаи, которых либо вообще не существовало в то время, когда читались первые лекции по психоанализу, либо их было слишком мало, чтобы выделить в особую главу. Фрейд предупреждал, что «профессиональному аналитику они дадут мало нового, а обращаются к той большой группе образованных людей, которые могли бы проявить благосклонный, хотя и сдержанный интерес к своеобразию и достижениям молодой науки». На этот раз Фрейд отказался от стремления к кажущейся простоте, полноте и законченности, а избрал иной путь: не скрывать проблем, не отрицать пробелов и сомнений. «От психологии как будто требуют не успехов в познании, а каких-то других достижений; ее упрекают в любой нерешенной проблеме, в любом откровенно высказанном сомнении, – говорит Фрейд. – Кто любит науку о жизни души, тот должен примириться и с этой несправедливостью».

Первая лекция

Введение

Уважаемые дамы и господа! Я не знаю, как много отдельные из вас знают из прочитанного или понаслышке о психоанализе. Однако буквальное заявленное мною название — «Элементарное введение в психоанализ» — обязывает меня обращаться с вами так, как если бы вы вообще ничего не знали и нуждались в первых наставлениях. Но, насколько я вправе предположить, вам известно, что психоанализ — это метод лечения нервных больных, и я тут же могу привести вам пример того, что в этой области кое-что делается по-другому, зачастую прямо-таки в противоположность тому, что принято в медицине. Обычно, когда больного начинают лечить с помощью нового врачебного метода, то, как правило, стараются принизить перед ним трудности этого метода и дают ему обнадеживающие обещания по поводу успеха лечения. Я думаю, что мы так поступаем правильно, ибо подобным образом действий повышаем вероятность успеха. Но если мы беремся за психоаналитическое лечение невротика, то ведем себя по-другому. Мы указываем ему на трудности метода, его длительность, большие усилия и жертвы, которых он потребует, что же касается успеха, то говорим, что не можем ему с полной уверенностью его обещать, этот успех будет зависеть от его поведения, его понимания, его уступчивости, его выдержки. Разумеется, у нас есть веские основания для такого внешне совершенно противоположного поведения, которые, возможно, чуть позже вам станут понятными.

Нужно признать, что данное предостережение справедливо фактически для всех психоаналитических и психотерапевтических методов. Клиническая практика показывает, что пациенты с острой или тяжелой симптоматикой (депрессия, психоз) на острых стадиях болезни могут весьма плохо реагировать на психологические методы помощи в силу непонимания,

критики и нарушения восприятия. С момента зарождения психоанализ часто подвергался жесткой критике и нередко обвинялся в шарлатанстве из-за отсутствия быстрого и явного результата. Но специфика психиатрических расстройств в том и заключается, что результат требует длительного и повторного воздействия, будь то терапия словом, делом или таблеткой. И тем не менее на сегодняшний день является абсолютно бесспорным тот факт, что психологические методы играют важную, а порой незаменимую роль в клинической практике.

Не сердитесь, если на первых порах я буду вести себя с вами так, как с этими невротическими больными. Собственно говоря, я бы и не советовал вам приходить во второй раз меня слушать. С этой целью я расскажу вам, какие несовершенства неизбежно связаны с преподаванием психоанализа и какие трудности противостоят обретению собственного суждения. Я вам покажу, почему все ваше прежнее образование и все привычки вашего мышления должны неизбежно сделать вас противниками психоанализа и в какой мере вам потребовалось бы их преодолеть, чтобы справиться с этой инстинктивной неприязнью. Конечно, я не могу заранее вам сказать, насколько вам станет понятным из моих сообщений психоанализ, но могу обещать, что, прослушав их, проводить психоаналитическое исследование или лечение вы не научитесь. Но даже если бы я нашел среди вас того, кто не удовлетворился беглым знакомством с психоанализом и захотел бы вступить с ним в длительные отношения, то я не только не стал бы этого советовать, но и напрямую его бы предостерег. В соответствии с тем, как обстоит дело сегодня, избрав такую профессию, он лишил бы себя всякой возможности добиться успеха в университете, а если он вступает в жизнь в качестве практикующего врача, то он окажется в обществе, которое не поймет его устремлений, будет смотреть на него враждебно и с недоверием и навредит на него всех затаившихся в нем злых духов. Наверное, как раз из явлений, которыми сопровождается свирепствующая сегодня в Европе война, вы сможете приблизительно оценить, сколько может быть таких легионов.

Впрочем, существует довольно много людей, для которых все, что может стать новой частицей знания, сохраняет свою привлекательность, несмот-

ря на подобные неудобства. Если же некоторые из вас относятся к этой категории и, пренебрегши моими отговорами, в следующий раз они здесь снова появятся, то я буду рад их приветствовать. Но все вы имеете право узнать, в чем состоят указанные трудности психоанализа. Прежде всего – это трудность преподавания психоанализа, обучения ему. Во время занятий по медицине вас приучили видеть, вы видите анатомический препарат, осадок при химической реакции, сокращение мышцы как результат раздражения ее нервов. Позднее вашим органам чувств показывают больного, симптомы его недуга, продукты болезненного процесса, более того, в многочисленных случаях – возбудителя болезни в изолированном состоянии. В хирургических специальностях вы становитесь свидетелями вмешательств, благодаря которым больному оказывают помощь, и вы сами можете попробовать это осуществить. Даже в психиатрии перед вами проводят демонстрацию больного, вы наблюдаете его изменившуюся мимику, его манеру говорить и его поведение, что производит на вас глубокое впечатление. Таким образом, преподаватель медицины выступает преимущественно в роли экскурсовода и комментатора, который сопровождает вас по музею, в то время как вы вступаете в непосредственную связь с объектами и благодаря собственному восприятию убеждаетесь в существовании новых фактов. К сожалению, совершенно иначе обстоит дело в психоанализе. В аналитическом лечении не происходит ничего иного, кроме обмена словами между анализируемым и врачом. Пациент говорит, рассказывает о прошлых переживаниях и нынешних впечатлениях, жалуется, признается в своих желаниях и эмоциональных побуждениях. Врач слушает, пытается управлять ходом мыслей пациента, увещевает, определенным образом направляет его внимание, дает ему разъяснения и наблюдает реакции понимания или отвержения, которые он вызывает у больного. Необразованные родственники наших больных – которым импонирует только явное и осязаемое, а больше всего действия, подобные тем, которые можно увидеть в кинотеатре, – никогда также не упустят случая поделиться своими сомнениями: «Разве это возможно – простыми разговорами сделать что-то с болезнью?» Разумеется, эта мысль столь же недаленовидна,